

Часть первая

Джек Восьмеркин

Глава первая

Редактор изменяет своему обыкновению

— ПРОСТИТЕ, товарищ, трактор «ойль-пуль» — все это прекрасно. Но ведь трактор работает вовсе не на каменном угле. А затем, у меня нет времени...

Этим словами закончил редактор свой разговор с развязным поэтом, который пытался продать в газету стихотворение о тракторе «ойль-пуль». Поэт вскочил с кресла и исчез в дверях. Редактор посмотрел ему вслед без малейших угрызений совести: он считал, что каждый деловой человек должен говорить кратко.

Теперь наконец он мог заняться собственным делом. Для этого он прежде всего придвинул поближе тарелку остывших щей и начал есть. Ел он без всякого аппетита, часто даже пронося щи мимо рта: ложка была в его левой руке, а правой он правил лежавшую перед ним статью. В это время дверь открылась, и в кабинет опять кто-то вошел.

— Короче! — сказал редактор грозно, продолжая читать и есть.

Молчание. Только перо скрипнуло по бумаге.

— Коротко трудно, — наконец сказал вошедший. — Коротко — совершенно невозможно.

— А все-таки. В двух словах.

— В двух? Хорошо. Хочу есть.

Редактор оторвал глаза от рукописи.

Перед ним стоял опрятный паренек в серой бархатной куртке с желтым бараньим воротником, остриженный по-загранич-

тому под машинку. На голове — тяжелая кепка с загнутыми на затылок наушниками. На ногах — коричневые башмаки с толстыми подошвами. Паренек держал в руках небольшой брезентовый мешок. В общем вид его был франтоватый, а лицо веселое. Вдобавок он улыбался, и золотые зубы дружным рядом сияли в его верхней челюсти. Никак нельзя было подумать, что парень нуждается. Редактору стало совершенно ясно, что следует как можно скорее выпроводить его из кабинета.

— Вы, вероятно, умеете читать, товарищ? — сказал он наставительно. — Здесь не столовка, а редакция сельскохозяйственной газеты...

— Я знаю. Но все-таки хочу есть.

— Фамилия? — отрывисто спросил редактор, прекрасно понимая, что вопрос этот грозит осложнениями. Но что делать? Паренек чем-то сумел подкупить его. Может быть, своей улыбкой, которую он все время пускал в ход. Он и теперь, прежде чем ответить, широко улыбнулся.

— Меня зовут Джек Восьмеркин.

— Откуда?

— Из Петербурга. Я там в больнице лежал семь недель.

— Из Ленинграда, — поправил редактор.

Золотые зубы Восьмеркина сверкнули, как будто во рту вспыхнул огонь.

— Нет, из Петербурга.

— Такого города нет.

— Есть. Это в штате Вирджиния. На линии Ричмонд — Чарльстон.

— Ага — сказал редактор и позвонил.

Теперь он уже знал, что делать дальше, и принялся читать статью. Явилась курьерша.

— Дайте товарищу обед, — произнес редактор, — и позовите Пичулина.

Пичулин, спев по англо-саксонским странам, в круглых очках и длинной кожаной жилетке, явился как из-под земли. Джек Восьмеркин в это время только что принялся за щи.

— Ну-с, — сказал редактор, когда Пичулин вопросительно стал у его кресла, — так вы, товарищ, из Америки, из штата Вирджиния? Это уже лучше. Нельзя ли, Пичулин, его использовать? Ты когда приехал-то? — спросил он Восьмеркина, дружески переходя на «ты».

— Две недели назад.

— Через Владивосток?

— Нет, через Мурманск.

Пичулин тихо подошел к Джеку. Вынул блокнот, что-то сообразил.

— Можете ли вы к послезавтра написать мне статью строк на двести: «Безработица среди батраков в Соединенных штатах»?

Джек густо покраснел и с каким-то бульканьем проглотил щи.

— Я плохо пишу по-русски. Прочитать статью сумею... Но писать не возьмусь.

— Но вы русский?

— Да, конечно. Но я долго пробыл в Америке.

— Это уже хуже, — сказал редактор и задумался.

Теперь он понял, почему так старательно выговаривает некоторые слова Джек.

— Писать ты не умешь, — сказал он немного погодя. — Русский язык знаешь плохо. Такие люди нам не нужны.

Свет электрической лампочки отразился в золотых зубах Джека.

— Такие люди вам не нужны? — переспросил он тихо. — А я думал, что нужны. Писать статей я действительно не умею. Но я могу делать кое-что другое.

— Что же именно?

— Я могу восемь часов подряд пахать на тракторе, а если он остановится, я почию его. Знаю куроводство и хорошо отбираю яйца в инкубатор. Могу подоить десять коров, а если их сорок, то налажу дойку электричеством. Два года я ухаживал за табаком в Вирджинии и ладонями могу вертеть сигары, по тысяче штук в день, конечно если начинка подго-

товлена. Я говорю о сигарах «вирджиния», по пять центов штука. Потом мне приходилось выращивать клубнику величиной в кулак...

— Довольно, довольно! — закричал редактор.

— Нет, я правду говорю. Ведь я не бродяга, а настоящий уборочный рабочий. Шесть лет я таскался по фермам, только вот теперь приехал сюда кочегаром. Мы вам хлопок привезли. Я удрал с корабля потихоньку и сел в поезд. Все деньги истратил на билет, зайцем не поехал. И вот теперь голодаю. Здесь я

уже десять дней, и все мне говорят, что никому не нужно мое умение. А по-моему нужно.

И он опять сверкнул золотыми зубами. Редактор спросил:

— А зубы почему золотые?

— Упал с «титана» в Дакоте. Ведь вы знаете, эти «титаны» высотой почти с паровоз. Стукнулся зубами о колесо. Четырех как не бывало. Вставил за восемьдесят долларов. Они литые, чистого золота. Хотел уже выпилить их и проесть. Но прежде сюда приехал...

— Занятная штука, — сказал редактор задумчиво. — Что же нам с тобой делать, Восьмеркин? Ты зачем в СССР-то приехал?

— По делам, — ответил Джек и густо покраснел.

— Так. А где живешь?

— Нигде не живу. Ночевал в ночлежке. Да плохо там. Смеялись над моей курткой.

— А вещи у вас есть? — спросил Пичулин совсем не деловым тоном.

— Ничего нет. Я сюда без вещей приехал. Нельзя было с парохода вынести. Вот только мешок...

— А что в мешке?

— Пшеница. Отборные зерна. «Манитоба», «маркиза», «дакота». Я их четыре года на фермах собирал. Теперь от голода съел тысячу двести штук. Самых мелких, конечно.

— Поешь лучше каши, Восьмеркин, — сказал редактор мягко, пододвигая тарелку. — Твое дело надо обдумать. С удовольствием бы покалякал с тобой, да вот некогда...

Пичулин с удивлением посмотрел на редактора.

Этот человек, сухой и точный, никогда раньше не говорил таким душевным тоном. Что-то с ним случилось. Он глядел на Восьмеркина и улыбался.

— Да, — повторил редактор задумчиво, — с удовольствием бы с тобой покалякал...

Он вынул записную книжку и там что-то зачеркнул.

— Хочешь, так сделаем: приходи сегодня ко мне на квартиру ровно четверть двенадцатого. Расскажешь свою историю. Может быть, что и придумаем. Согласен?

— Угу.

— И ночевать у меня будешь.

— Спасибо.

— Вот тебе мой адрес. Найдешь?
Джек усмехнулся.
— Ну, пока...

Ночью Джек Восьмеркин рассказал редактору свою историю. Примус безостановочно шумел на окне. Чаю выпили много. Разговор продолжался три или четыре часа.

Рассказ Джека был длинен и бессвязен. Чтобы понять его как следует, редактору пришлось задать множество вопросов. К трем часам утра картина приключений Джека выяснилась во всех подробностях.

Вот как было дело.

Мальчик с коровой

Весной 1918 года в Петрограде начался голод. Продовольственные склады совершенно опустели, а подвоза продуктов не было. Перед булочными вытянулись тысячные очереди. Целыми часами люди простаивали для того, чтобы получить кубик черного хлеба величиной в пачку спичек. На базарах торговали главным образом несъедобным: посудой, треуголками, тряпьем, мебелью. В кафе у Адмиралтейства за бешеные деньги подавались тонкие ржаные лепешки, жаренные на льняном масле. Все столовые и рестораны закрылись. Исчезло даже молоко, которого всегда было много в это время года.

В городе началась паника. Уже поздно было делать запасы. Оставалось только надеяться, что голод не может продолжаться вечно. Говорили, что с новым урожаем появятся продукты. Война кончилась. Крестьяне возвращаются в деревни. Надо только подождать до осени.

И вот, чтобы полегче прошло это голодное лето, большая группа петроградских интеллигентов решила отправить своих детей за Волгу, туда, где много белого хлеба и молока и откуда шли письма, что голода там нет и в помине. С огромным трудом получили специальный санитарный поезд. Поезд был очень длинный и состоял из белых теплушек и вагонов. В вагонах разместились девочки, в теплушках — мальчики, всего

около пятисот человек. Вместе с ними ехали учителя, воспитатели, гимназические сторожа. После долгого, полного приключений пути белый поезд высадил детей за Волгой, в обетованной стране. Петроградским детям пришлось провести здесь гораздо больше одного лета.

Восстание чехо-словаков вызвало военные действия в полосе железной дороги. Затем поднялся Колчак. Линия железной дороги оборвалась сразу во многих местах. Началась настоящая война. Между родителями и детьми протянулась

линия фронта, пересечь которую не было никакой возможности.

На детей уже никто не обращал внимания, кроме их руководителей, которые были бессильны что-либо сделать. Огромная колония принуждена была разбиться на группы. Дети с руководителями разбрелись по деревням, станицам, поселкам. Не было средств к жизни, теплой одежды, обуви. Даже надежд на будущее не было. Дети болели, голодали, приходили в отчаяние. Все это Джек знал только по рассказам. Сам он не был в колонии. Он познакомился с петроградскими ребятами случайно, осенью 1918 года.

Вагон третьего класса, наполненный детьми, стоял на одной из станций недалеко от Волги. Красные наступали, и у ребят появилась надежда, что советские войска займут станцию, прежде чем белые успеют увезти вагон. А это давало возможность в ближайшие же дни вернуться в Петроград, к родителям.

Но обстоятельства сложились иначе. Внезапно к станции подсакала группа всадников. Казаки с пиками рассеялись по путям, охотясь за пустыми вагонами. Высокий офицер, осмотрев вагон, в котором находились дети, предложил немедленно очистить его. Вагон был нужен для штаба корпуса. Сопровождавший детей воспитатель, вспыльчивый человек, закричал, что дети не уйдут из вагона. Офицер арестовал воспитателя, и его увели куда-то. А детям было предложено выходить из вагона, и как можно скорей.

Казаки выбросили из окон подушки, корзины, книги, и на полотне образовался целый ворох самых разнообразных вещей. Дети в панике столпились тут же, не зная, что им делать.

Девочки заливались слезами, мальчики пытались успокоить их. Они тихо шептали, что скоро придут красные и все будет хорошо. Вдруг где-то вдали бухнул выстрел.

За первым выстрелом последовал другой, третий, четвертый. Высоко в небе развернулись красивые облачка дыма, и град пуль ударил по железной крыше станции. Красные действительно пришли. Но впереди себя они пустили артиллерию.

Четырнадцатилетний Валерьян, у которого был бинокль и который считался самым умным в вагоне, закричал, что

надо спасаться, бежать опрометью, но, конечно, всем в одну сторону. Он схватил свою подушку и первый бросился через широкое поле, которое тянулось тут же за станцией. Его примеру последовали все остальные. Длинная ниточка детей протянулась по полю. Сзади самые маленькие, впереди Валерьян, закрывший подушкой голову от шрапнели. По временам он останавливался и кричал:

— Скорей, черти, скорей!

Маленькие, наиболее слабые дети начали уставать. Они падали и кричали, что не могут двигаться дальше. На минуту все остановились и стали совещаться. Кто-то сказал, что стрельба затихает. Но это было затишье перед бурей. Со стороны белых подошел броневой поезд. Пушки загрохотали совсем близко. Дети заплакали, завизжали.

Старшие подхватили младших под руки и снова побежали вперед. Поле уже кончалось. В стороне желтели кусты, за ними был овраг. Дети спустились в овраг. Сюда выстрелы доносились слабее. Некоторое время шли по дну оврага. Потом остановились, сосчитали друг друга. Налицо оказались все сорок человек. Валерьян, который принял на себя обязанности командира, сказал, что можно посидеть: шрапнель сюда не залетит. Дети отдохнули немного, съели захваченную с собой провизию, напились воды из ручья, а затем пошли снова. Выстрелы все еще гремели вдалеке, и всем хотелось быть подальше от поля сражения.

В глубине оврага октябрьский день рано догорел и сменился холодным вечером. Дети сложили рядом вещи, захваченные в момент бегства. Нашлось несколько подушек. Легли все рядком, чтобы согревать друг друга. Хотя у Валерьяна были с собой спички, огня из осторожности решили не разводить. Боялись, что по костру начнется стрельба из орудий.

Ночью Валерьян и два других мальчика вылезли из оврага. Небо было розовое с одного края, но не там, где находилась станция. По этому зареву мальчики догадались, что горит какая-то деревня. Они тихо спустились в овраг и уговорились по очереди дежурить с камнями в руках. Но сон оказался сильнее их. Первый же дежурный заснул, а тот, кто должен был его сменить, не проснулся. Впрочем, ночь прошла без приключений.

Утром старшие устроили совещание. что делать дальше, куда идти. Совещались долго. Пока старшие спорили, младшие плакали от страха и голода. Провизии не осталось ни крошки.

Наконец было решено подождать в овраге до полудня. А затем, если перестрелка не возобновится, идти на станцию и отыскать там руководителя. Но в это время со стороны станции опять донеслись выстрелы. В отчаянии дети уселись в кружок и принялись плакать.

Вдруг в кустах раздался какой-то треск, и перед плачущими детьми появился деревенский мальчишка, босой и без шапки. Он стоял на четвереньках и внимательно смотрел на детей.

Плач сейчас же прекратился. Ребята с интересом принялись разглядывать мальчишку. Тот продолжал стоять на четвереньках и при этом сопел.

— Ты здешний? — наконец спросил Валерьян негромко.

— Здешний, — ответил мальчуган и вскочил на ноги. — Из деревни Починки.

— Можешь ты отвести нас к себе в деревню и покормить?

— А сколько вас есть?

— Сорок человек.

— Не, не могу.

— Почему не можешь?

— Нет наших Починок.

Сгорели они ночью. Белые из пушек сожгли. А мужиков всех перебили, и отец мой попался. А мать и сестра живьем в избе сгорели. Я один спасся. А вы, ребята, откуда?

Дети наперебой начали рассказывать, кто они такие. Когда картина достаточно выяснилась, мальчишка, немного подумав, сказал:

— Примите меня, ребята, к себе.

